

Годъ изданія седьмой.

СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

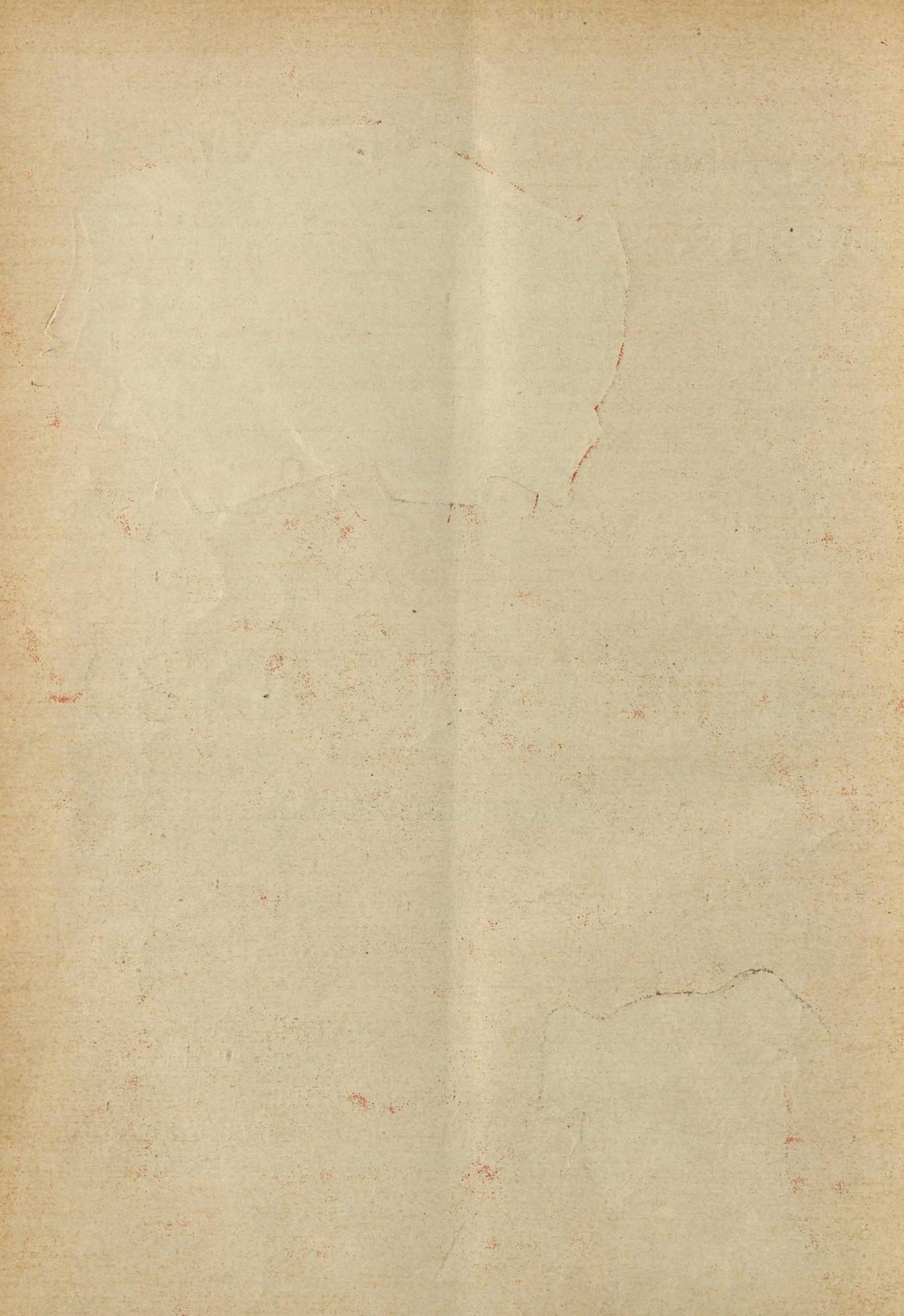
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЕЧЕРОМЪ (стих.).
ТРИ СЕСТРЫ (сказка).
ОСЕННИЕ МОТИВЫ (стих.).
ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО
СТОРОЖА (повѣсть).
ВСТРѢЧА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —

3 р. 80 к.

При каждомъ номерѣ приложенія.

ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

3 р. 80 к. въ годъ.

Адресъ Редакціи: ПЕТРОГРАДЪ,
Наменноостровскій пр., 26.

3 р. 80 к.

Котятки.

ВЕЧЕРКОМЪ.

Всѣ ужъ листья въ саду облетѣли, Не грусти, моя милая крошка!
 Да и птички уже не поютъ, Пусть сѣдая зима къ намъ придетъ,
 И скрипучія сняты качели Занесетъ бѣлымъ снѣгомъ окошко
 И сердито нахмурился прудъ. И въ трубѣ зашумитъ, загудѣтъ...

Ничего!.. Вечеркомъ у лежанки
 Мы за сказкой съ тобой посидимъ,
 А на утро достанемъ мы санки
 И стрѣлою съ горы покатымъ!..

Ф. Черновъ.

ТРИ СЕСТРЫ.

Сказка о добротѣ.

Жиль-быль на свѣтѣ очень богатый купецъ. У него было три дочери, которыя были очень красивы; младшая-же изъ нихъ, Дениза, была настоящая красавица. Всѣ восхищались ея наружностью и когда она была еще маленькой дѣвочкой, то ее прозвали Душечкой. Такъ это имя за ней и осталось на всю жизнь. Душечка привлекала къ себѣ не только своей красотой, но и характеромъ: она была добра и умна и въ то время, какъ ея сестры строили изъ себя знатныхъ барышень и ничего не дѣлали, она отличалась простотой, со всѣми была ласкова и привѣтлива и всѣ домашнія работы лежали только на ней одной. Такъ какъ всѣ три сестры были богаты и недурны собой, то въ женихахъ недостатка не было, но двѣ старшія дѣвушки объявили заранѣе, что

онѣ выйдутъ замужъ только за графовъ и князей, а младшая прямо заявила, что она еще молода и что ей рано еще разставаться со своимъ вдовымъ отцомъ, который нуждался въ ласкѣ и въ поддержкѣ.

Какъ вдругъ ихъ отецъ разорился и у него не осталось ничего кромѣ маленькаго деревенскаго домишки, далеко отъ города,— и всѣмъ четверымъ приходилось теперь жить въ тѣснотѣ и въ нищетѣ. Старшія дочери надулись, рѣшительно заявили, что въ деревню онѣ не поѣдутъ, но дѣлать было нечего и пришлось примириться.

Приѣхали въ деревню и сразу же принялись за сельское хозяйство. Дениза вставала съ восходомъ солнца и поздно ложилась и скоро вокругъ домика появился отличный огородъ, который сталъ

прокармливать всю семью. Душечка трудилась, какъ простая служанка, доила коровъ, таскала дрова и стирала бѣлье, двѣ-же старшія сестры продолжали ничего не дѣлать, поздно вставали и только подсмѣивались надъ младшей.

— Дениза грязна, какъ кухарка!.. говорили онѣ.—У нея руки стали красны, какъ лапы у гусыни! Теперь ее замужъ не возьметъ никто!

Прошелъ годъ. Всѣ обносились и не на что было купить одежды. Какъ вдругъ купецъ получилъ письмо, что тѣ товары, которые онъ отправилъ годъ тому назадъ на корабль въ чужеземныя страны, вовсе не утонули, а проблуждавъ по морю, вернулись обратно. Онъ обрадовался, сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ городъ, но пока онъ до него доскакалъ, этими его товарами воспользовалиеь другіе. Онъ былъ много долженъ и ихъ взяли себѣ за долги другіе купцы; пришлось возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать, отецъ спросилъ у дочерей, чего имъ привезти?

— Привези намъ роскошныя туалеты, отвѣтили ему старшія дочери.—Намъ надоѣло ходить, какъ крестьянки.

Дениза молчала.

— Ну, а тебѣ, Душечка, что привезти? обратился къ ней отецъ.

Она смутилась, покраснѣла и отвѣтила:—

— Если случайно встрѣтишь гдѣ-нибудь розовый кустъ, то сорви мнѣ съ него розу и привези.

До дому оставалось еще триста верстъ, когда купецъ, съ пустыми руками, возвращался домой. Какъ вдругъ наступила темнота, случилась буря, сталъ падать снѣгъ и онъ сбился съ дороги. Вѣтеръ былъ настолько силенъ, что два раза сбивалъ его съ сѣдла. Снѣгъ шелъ такими густыми хлопьями, что залѣпилъ ему и его коню глаза. Затѣмъ наступила ночь и сдѣлалось еще темнѣе. Послышался вдальекъ вой волковъ. Купецъ уже сталъ молиться Богу и готовится къ смерти, какъ вдругъ гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсу передъ нимъ блеснулъ огонь. Блеснулъ и скрылся. Онъ направился къ нему и скоро огонекъ сталъ дѣлаться все свѣтлѣе и крупнѣе и наконецъ передъ купцомъ обрисовался во мракѣ большой, роскошный дворецъ, ярко освѣщенный во всѣхъ своихъ этажахъ. Купца очень удивило, что около него, ни на дворѣ, ни у крыльца не было ни одного живого существа. Онъ сошелъ съ коня. Увидѣвъ большую, отворенную конюшню, его лошадь сама вошла въ нее и тотчасъ-же принялась за овесъ. Купецъ заперъ за ней дверь и направился ко дворцу, въ которомъ тоже не оказалось ни души. Войдя въ залу, онъ нашелъ тамъ приготовленный для него ужинъ и горѣвшій

въ каминѣ огонь. Онъ подошелъ къ огню и сталъ передъ нимъ обсушиваться.

„Быть можетъ, тѣмъ временемъ кто--нибудь придетъ“, подумалъ онъ.—„Совѣстно ѣсть одному безъ хозяевъ“...

Но пробило одиннадцать часовъ и никто не явился. Пришлось садиться за столъ одному и утолять свой голодъ. Осмѣлившись немного и подкрѣпивъ свои силы, купецъ прошелся по дворцу: весь онъ отличался красотой и отличной мебелировкой. Въ одной изъ комнатъ для него была приготовлена постель. Онъ легъ въ нее и крѣпко заснулъ.

Проснулся онъ поздно, когда было уже совсѣмъ свѣтло, и очень удивился, найдя около себя новое, чистое платье.

— „Что за диковина!“ подумалъ онъ.

Снѣга уже не было и вокругъ дворца было все зелено и цвѣли пышные цвѣты. Купецъ вспомнилъ о лошади и пошелъ ее навѣстить. Когда онъ проходилъ черезъ садъ мимо роскошныхъ розовыхъ кустовъ, то ему пришло на умъ желаніе Денизы, онъ подошелъ къ самому пышному кусту и сорвалъ съ него самый красивый цвѣтокъ.

И вдругъ передъ нимъ появилось Чудовище.

— Неблагодарный, закричало оно.—Я предоставилъ тебѣ полное гостеприимство и ты обкрадываешь

меня! За это ты долженъ сейчасъ умереть.

Купецъ испугался.

— Простите меня, сказалъ онъ дрожавшимъ голосомъ.—Умоляю васъ, выслушайте меня. Я сорвалъ этотъ цвѣтокъ не для себя, а для своей младшей дочери, которую очень люблю и которая сама поручила мнѣ это сдѣлать. Изъ всѣхъ трехъ дочерей я люблю ее больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Значитъ, у тебя три дочери?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ пусть одна изъ нихъ умретъ за тебя. Пусть какая-нибудь изъ нихъ явится сюда добровольно и здѣсь окончитъ свою жизнь. Клянись, что ты вернешься сюда, если онѣ откажутся.

Купецъ подумалъ: если умретъ онъ, то всѣ его три дочери погибнуть съ голоду, а если умретъ одна изъ его дочерей, то тогда будетъ живъ онъ и слѣдовательно съ нимъ и двѣ другія. Во всякомъ случаѣ, даже если онѣ и откажутся, то онъ будетъ имѣть время проститься съ ними и оттянуть день казни. И онъ согласился.

— Клянусь! отвѣтилъ онъ Чудовищу.

Съ печалью въ сердцѣ онъ пошелъ въ конюшню, вывелъ оттуда коня и поѣхалъ домой.

Дочери встрѣтили его въ ожиданіи подарковъ. Но онъ не привезъ старшимъ ничего.

— Возьми, Дениза, эту розу, обратился онъ къ младшей.— Она стоитъ жизни твоего отца.

И онъ рассказалъ дочерямъ все, что съ нимъ случилось въ лѣсу. Двѣ старшія набросились на Душечку и стали ее бранить.

— Это все ты! закричали онѣ на нее.— Если-бы не твое дурацко желаніе имѣть розу, то нашъ отецъ не подвергся-бы такой опасности.

Но дѣлать было нечего, нужно было рѣшить, которая изъ дочерей отправится къ Чудовищу и, въ случаѣ ихъ отказа, отправиться въ лѣсъ самому. Но ни одна изъ старшихъ не согласилась.

— Я боюсь! сказала самая старшая.— Къ тому-же я еще молода и хочу жить!

— Я не желаю страдать за другихъ! отвѣтила вторая.— Кто виноватъ, тотъ пусть и оплачивается!

Купецъ глубоко вздохнулъ. Слезы появились у него на глазахъ. Оставалось предложить вопросъ третьей дочери и если откажетъ теперь и она, то придется ѣхать къ Чудовищу самому. Въ то-же время купцу быдо жалко обречь свою любимую дочь на вѣрную смерть и онъ помедлилъ съ вопросомъ. Но она не заставила себя ожидать и предложила сама.

— Я ѣду къ Чудовищу! сказала она.

Сестры и отецъ стали убѣждать ее этого не дѣлать, но она настоя-

ла на своемъ и, казалось, ничто на свѣтѣ не могло ее разубѣдить.

— Я ѣду! рѣшила она и стала собираться.

А сестры втайнѣ радовались этому ея рѣшенію и шептались одна съ другой.

— Это хорошо, что она уѣзжаетъ къ Чудовищу.— Теперь она не будетъ стоять намъ поперекъ дороги.

Настало время разставанія. Что-бы выжать изъ глазъ слезы, старшія сестры натерли рѣсницы лукомъ и такъ и разливались въ три ручья. Чтобы не опечалить отца, Дениза еле сдерживала рыданія. Отецъ былъ мраченъ и молчалъ. Затѣмъ онъ усадилъ свою младшую дочь въ телѣжку и повезъ ее къ Чудовищу.

На слѣдующій вечеръ Дениза увидала сквозь деревья лѣса яркій свѣтъ. Какъ и въ прошлый разъ, дворецъ былъ весь освѣщенъ. Лошадь опять сама вошла въ конюшню и принялась за овесъ, а купецъ взялъ дочь за руку и ввелъ ее во дворецъ. Тамъ по прежнему не было ни души и только оказался богато убранный столъ съ разными кушаньями и напитками, накрытый на два прибора. Отецъ и дочь сѣли за него и подкрѣпили силы.

— Все таки лучше умереть на сытый желудокъ, подумалъ купецъ.

Затѣмъ онъ простился съ до-

черью, оставилъ ее во дворцѣ одну и уѣхалъ.

Какъ только стихли его шаги, вдругъ въ сосѣдней комнатѣ слышался шумъ и въ столовую вошло Чудовище.

— А ты, дѣвушка, обратилось оно къ Денизѣ, — очень любишь своего отца, если рѣшилась умереть вмѣсто него?

Она такъ испугалась, что въ первую минуту не смогла ничего отвѣтить. Ноги у нея подкосились.

— Сжальтесь надо мной! наконецъ воскликнула она.—Я еще такъ молода и хочу жить! Но мнѣ тяжело было видѣть горе отца и моихъ двухъ сестеръ и я рѣшилась пострадать за нихъ... О, сжальтесь, сжальтесь надо мной!

Чудовище постояло немного, долго глядѣло на нее и затѣмъ повернуло назадъ.

— До завтра... сказала оно.—Завтра я посмотрю, какъ поступить...

Дениза осталась одна. Она долго не могла успокоиться, но молодость и любопытство взяли свое. Во дворцѣ все было такъ интересно, было столько свѣта и повсюду было разставлено столько диковинныхъ вещей, что, успокоившись немного, она стала ихъ разсматривать и шагъ за шагомъ стала все глубже и глубже уходить во внутренніе покои. И вдругъ она увидала передъ собою дверь,

на которой было написано: „Помѣщеніе для Денизы“. Она думала, что это была приготовлена для нея тюрьма, отворила дверь, но удивленію ея не было границъ. Передъ ней была очаровательная комната, съ прелестной мебелью и кроватью и съ мягкимъ, большимъ, пушистымъ ковромъ на полу. На столѣ стояли розы съ того самаго куста, съ котораго сорвалъ цвѣтокъ и ея отецъ, и около вазы лежала записка: „Выздѣсь полная хозяйка. Повелѣвайте и распоряжайтесь всѣмъ.“ Удивленію и восторгу ея не было границъ. Теперь она уже знала, что никто не лишитъ ее жизни и что кто-то невѣдомый окружилъ ее всею этой роскошью въ награду за то, что она пожертвовала собой для своего отца. И полная благодарности, она тотчасъ-же сѣла къ столу и на той-же запискѣ написала:—„О, благодарю васъ, благодарю!“ И записка тотчасъ-же куда-то исчезла прямо у нее на глазахъ.

На слѣдующее утро она поглядѣла въ зеркало и вдругъ, къ удивленію своему, увидала въ немъ свой домъ и своего отца и двухъ своихъ сестеръ. Отецъ горько плакалъ, а сестры дѣлали видъ, что плачутъ тоже, но часто отворачивались въ сторону и отъ радости хихикали. А затѣмъ все въ зеркалѣ скрылось и Дениза увидѣла въ немъ только одну себя. Цѣлый день прошелъ для нея въ смѣшан-

номъ чувствѣ безпокойства за свою жизнь и въ то-же время радости и удовольствія, что она попала въ такую сказочную обстановку, о какой не смѣла даже и думать. Ей было только грустно, что здѣсь не было вмѣстѣ съ нею ея отца и сестеръ, для которыхъ она желала всегда бѣльшаго счастья, чѣмъ для себя.

Вечеромъ, когда она садилась за столъ, вдругъ послышался шумъ и въ столовую вошло Чудовище. Увидѣвъ его, Дениза чуть не лишилась отъ страха сознанія.

— Можно и мнѣ поужинать вмѣстѣ съ вами? ласково спросило ее на этотъ разъ Чудовище.

— Вы здѣсь сами хозяйнѣ... чуть дыша отъ страха отвѣтила Дениза.

— Нѣтъ, возразило Чудовище,—я хочу, чтобы вы здѣсь были хозяйкой. И если я окажусь для васъ противнымъ, то вы просто скажите мнѣ,—и я уйду.

Затѣмъ они сѣли ужинать. Бѣдная Дениза едва могла проглотить кусокъ.

— Не правда-ли, какъ я отвратителенъ и безобразенъ? спросило Чудовище.

— Да, отвѣтила Дениза,—но вы добры ко мнѣ, а это значитъ болѣе, чѣмъ внѣшняя красота.

— А что значитъ быть добрымъ?

— Быть добрымъ—значитъ жалѣть животныхъ и любить всѣхъ

людей, не взирая на ихъ наружность и положеніе.

Чудовище глубоко вздохнуло.

— Ну, а вы сами добры? спросило оно.

— Я стараюсь быть доброй. просто отвѣтила она.—Я никогда еще не задавила ни одной мушки и не пролила ни одной капли крови животнаго. Я также стараюсь любить людей... Но, конечно, не мнѣ судить, насколько мнѣ это удастся.

— Я тоже стараюсь всѣхъ любить... тихо сказало Чудовище и опять глубоко вздохнуло.

На слѣдующій вечеръ Чудовище опять явилось къ Денизѣ.

— Довольны-ли вы? спросило оно у нея.—Не нуждается-ли вы въ чемъ-нибудь?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣтила она.—Вы и такъ очень добры. Я очень вами обласкана.

— Но вѣдь я—Чудовище.

— Благодаря вашей добротѣ, я не замѣчаю вашего уродства.

— Но вѣдь безобразіе меня не найдетъ на свѣтѣ ни одного человѣка!

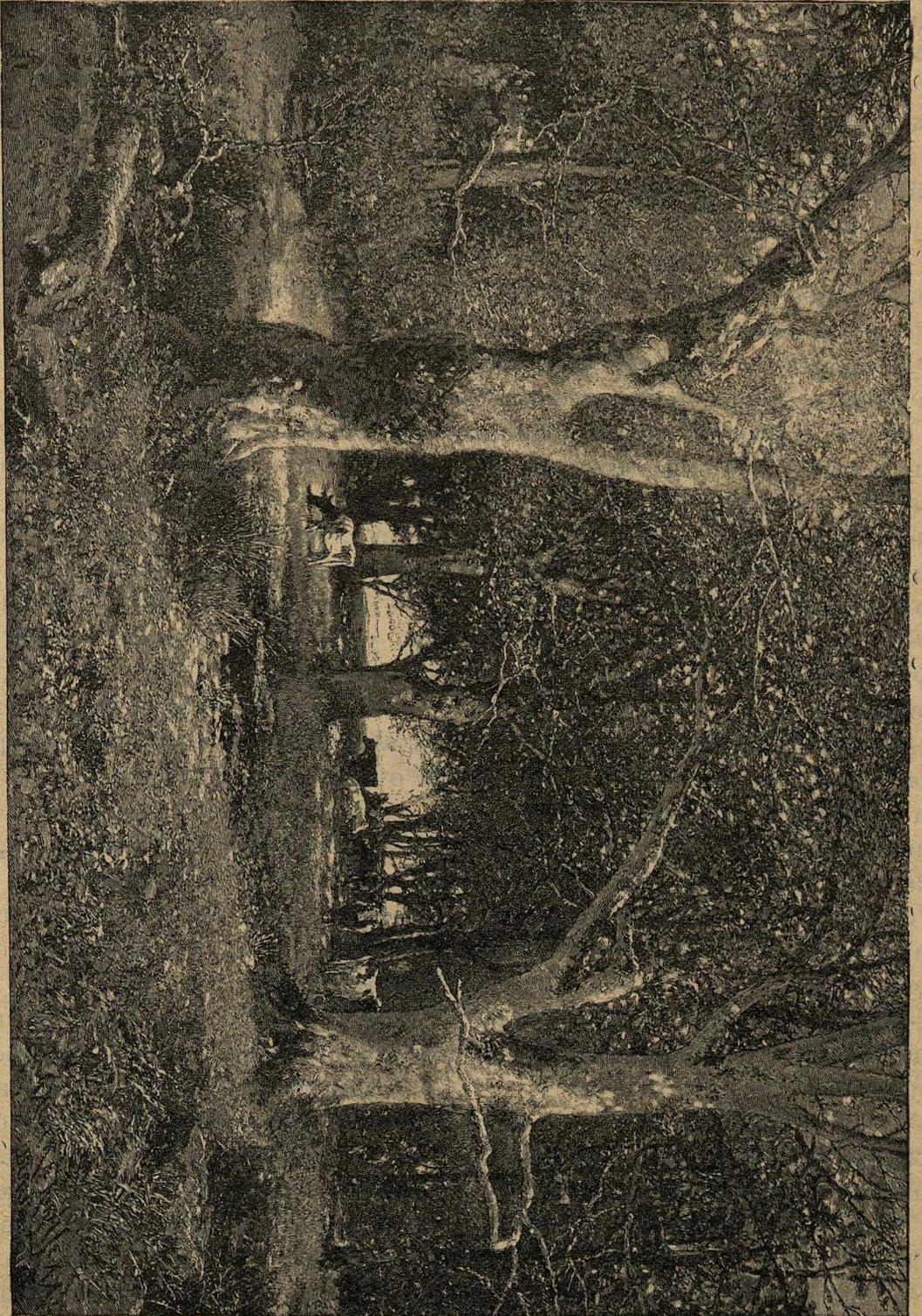
— Есть люди, которые по своему безсердечію безобразіе васъ.

— Значитъ, вы не боитесь меня?

— Добрыхъ я не боюсь. Я боюсь только злыхъ.

— По этимъ вашимъ словамъ я убѣждаюсь, что и вы сами очень добры.

Чудовище повернулось и вышло изъ столовой.

Въ прохладѣ.

Папа ѳдеть!.

Дениза поужинала на этотъ разъ съ большимъ удовольствіемъ. Теперь ужъ она окончательно не боялась Чудовища и убѣдилась, что подъ такой отвратительной внѣшностью скрывается несомнѣнно какая-нибудь благородная и великодушная личность. Но кто-бы это могъ быть? Почему это Чудовище живетъ въ такомъ обворожительномъ, прекрасномъ дворцѣ? И почему понадобилось такому доброму, ласковому существу придать такую отталкивающую наружность?

Эти вопросы занимали ее, она ломала себѣ голову, стараясь на нихъ отвѣтить, и въ то-же время не находила на нихъ отвѣта. И каждое утро, просыпаясь въ своей уютной комнатѣ, она находила около себя все новые и новые признаки вниманія къ себѣ: то роскошный костюмъ, то какую-нибудь драгоценную вещь, то что-нибудь необыкновенно простое, но трогательное по замыслу или по желанію угодить.

Такъ провела Дениза во дворцѣ у Чудовища три мѣсяца. Каждый вечеръ оно приходило къ ней, они вмѣстѣ обѣдали и каждый разъ Дениза находила въ немъ все лучшія качества. Для нея теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что подъ внѣшностью этого животного скрывался добрый, образованный, благовоспитанный человекъ, надъ которымъ тяготѣла ка-

кая-то страшная, неразрѣшимая тайна.

Однажды Дениза подошла къ зеркалу и увидѣла въ немъ страшную картину: ея отецъ лежалъ больной и около него не было ни одной изъ его старшихъ дочерей. Увидѣвъ ее, онъ сталъ ее къ себѣ манить. Она закивала ему головой, но видѣніе тотчасъ-же прекратилось.

Это смутило ея душу. Она поняла, что отецъ ея боленъ, что о немъ не хочетъ позаботиться никто и что онъ очень желаетъ ее видѣть. И она загрустила.

— Почему вы сегодня такъ печальны? спросило ее Чудовище.

Она не сдержалась и стала плакать.

— Я соскучилась по отцѣ, отвѣтила она.—Сердце подсказываетъ мнѣ, что онъ боленъ и желалъ-бы, чтобы я была около него. Отпустите меня къ нему. Я такъ-бы хотѣла его видѣть!

Чудовище нахмурилось.

— Я не могу выносить вашихъ слезъ, сказало оно,—и въ то-же время не могу васъ отпустить. Если хотите, то я вызову сюда вашего отца?

Но она осталась непреклонной.

— Но мнѣ хочется повидать также и своихъ сестеръ, сказала она.—Я ихъ люблю. Къ тому-же отецъ боленъ и нуждается въ близкомъ человѣкѣ.

И она громко разрыдалась.

Чудовище подошло къ ней и изъ его глазъ тоже покатались слезы.

— Хорошо, согласилось оно наконецъ.—Пусть будетъ по вашему. Вы будете завтра у вашего отца. Но общайте мнѣ, что черезъ двѣ недѣли вы возвратитесь ко мнѣ обратно. Вотъ вамъ перстень. Завтра утромъ вы ударьте имъ у себя по столу—и вы окажетесь у себя дома. Но когда пройдутъ двѣ недѣли,—то точно также ударьте имъ по столу у себя въ избушкѣ—и вы тотчасъ-же окажетесь здѣсь. Общаете вы мнѣ это сдѣлать?

Денизѣ очень хотѣлось повидаться скорѣе со своимъ отцомъ и она искренно отвѣтила:—

— Общаю.

На слѣдующій день она была уже у себя дома. Радости большого купца не было границъ. Онъ не ожидалъ увидѣть ее въ живыхъ и очень удивился, когда она вошла въ избушку. Радость свиданія такъ подѣйствовала на него, что онъ тотчасъ-же сталъ поправляться. Оказалось, что обѣ его старшія дочери вышли замужъ и ушли отъ него, оставивъ его одного. Одна изъ нихъ вышла за пьяницу, а другая за чрезвычайно глупаго человѣка и обѣ онѣ были несчастны съ самаго-же перваго дня свадьбы. Заслышавъ о возвращеніи сестры, онъ тотчасъ-же пріѣхали къ своему отцу, чтобы по-

видаться съ ней. Увидѣвъ ее, онѣ вскрикнули отъ удивленія.

— Какъ? воскликнули онѣ.—Ты жива и на тебѣ еще такой роскошный костюмъ и столько драгоценностей? Развѣ Чудовище тебя не сожрало?

Но въ это время вошла кухарка и съ таинственнымъ видомъ доложила:—

— Тамъ на крыльцѣ откуда-то появился желѣзный сундукъ.

Дениза вышла и узнала свой сундучокъ, въ которомъ во дворцѣ у Чудовища у нея хранились ея лучшіе костюмы и брилліанты. Общими усилиями онѣ внесли его въ избушку, Дениза отперла его и стала одѣвать своихъ сестеръ. Онѣ были внѣ себя отъ восторга.

Получивъ столько брилліантовъ, онѣ просто сопли отъ радости съ ума и на этотъ разъ стали уже искренно обнимать и цѣловать свою младшую сестру.

— Какъ ты добра! говорили онѣ.—Ты не забыла и о насъ! Вѣдь мы тебя всегда такъ горячо любили!

Каждый день въ избушкѣ появлялось отъ Чудовища что-нибудь интересное: то золотыя деньги, то наряды для Денизы и ея сестеръ, то драгоценности. И обѣ старшія сестры такъ привыкли получать отъ Денизы подарки, что рѣшили всѣми мѣрами воспрепятствовать ея возвращенію во дворецъ.

— Она уѣдетъ, говорили онѣ,— и тогда мы не будемъ получать ничего. Пусть лучше она останется здѣсь. Тогда ея Чудовище будетъ скучать по ней и присылать ей подарки сюда.

Прошли двѣ недѣли и Дениза засбиралась домой.

— Нѣтъ, нѣтъ! испугались обѣ ея старшія сестры.—Мы тебя не отпустимъ! Мы такъ любимъ тебя, что безъ тебя отъ тоски умремъ! Ты должна остаться съ нами!

И какъ она ни отказывалась, какіе только ни приводила имъ доводы, онѣ такъ ее и не отпустили. Она уступила и рѣшила прожить съ ними еще недѣлю.

— А затѣмъ я уѣду, сказала она,—и больше уже вы меня не удерживайте, я не останусь ни за что. Мнѣ нельзя.

Но съ сестеръ было и этого довольно. За эту недѣлю онѣ могли получить цѣлые сундуки подарковъ.

А Дениза загрустила. Въ ней заговорила совѣсть. Она дала Чудовищу обѣщаніе возвратиться вó время, и не сдержала его. Кромѣ того, ей было и жаль Чудовища. Оно всегда такъ хорошо относилось и относится къ ней даже и заочно, и она обманула его и не исполнила его просьбы. А затѣмъ когда на пятый день послѣ срока она подошла къ зеркалу, чтобы причесаться, то ей представилось въ немъ непріятная картина. Она

увидѣла садъ при дворцѣ и въ немъ на берегу рѣки лежало Чудовище и издыхало. Она вскрикнула, испугалась и отскочила отъ зеркала.

— Что съ тобой? спросили ее сестры.

Но она ничего не отвѣтила имъ и засбиралась въ дворець.

— Неужели ты отправишься къ этому Чудовищу? испугались сестры.

— Оно не виновато въ томъ, что безобразно, отвѣтила имъ Дениза.— Главное не наружность, а сердце. Я не желаю отвѣчать зломъ за добро.

Но для сестеръ было это непонятно и онѣ все еще продолжали отговаривать ее отъ возвращенія во дворець. Но она осталась непреклонна. Она ударила перстнемъ по столу и вдругъ оказалась въ садахъ у Чудовища. Она побѣжала въ дворець, но тамъ Чудовища не оказалось. Она разыскивала его повсюду, но нигдѣ не находила. Тогда, полная безпокойства, она устремилась къ тому мѣсту на берегу рѣки, которое видѣла у себя дома въ зеркалѣ. Чудовище дѣйствительно оказалось тамъ. Оно лежало на травѣ у самой воды и тяжело дышало. Она бросилась къ нему и стала его гладить по шерсти.

— Простите меня, сказала она и слезы появились у нея на глазахъ. — Я не желала быть небла-

годарной. Вы столько сдѣлали для меня и для моихъ родныхъ, что я не нахожу словъ, какъ мнѣ выразить вамъ свою благодарность. Повѣрьте мнѣ, я васъ глубоко уважаю и хотѣла-бы, чтобы вы считали меня вашимъ самымъ близкимъ другомъ... Теперь ужъ я не покину васъ и прошу васъ разрѣшить мнѣ всю жизнь о васъ заботиться и быть около васъ..

И вдругъ съ Чудовищемъ случилось превращеніе. вмѣсто гадкаго, отвратительнаго звѣря передъ Денизой вдругъ оказался прекрасный, очаровательный принцъ. Онъ бросился къ ногамъ дѣвушкѣ и въ свою очередь сталъ ее благодарить.

— О, благодарю васъ, благодарю! заговорилъ онъ.—Вашей безграничной добротой вы разрушили тяготѣвшія надо мной чары. Вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ злая волшебница превратила меня въ Чудовище и я долженъ былъ-бы оставаться имъ всю жизнь, если-бы меня не пожалѣла молодая дѣвушка. Но явились вы и пожалѣли меня и чары уничтожились сами собой. Чѣмъ я могу отплатить за вашу доброту?

Она была такъ удивлена, что ничего не могла отвѣтить. А за-

тѣмъ, когда поулеглись немного ея удивленіе и его безграничная радость, онъ взялъ ее подъ руку и повелъ ее къ себѣ во дворецъ.

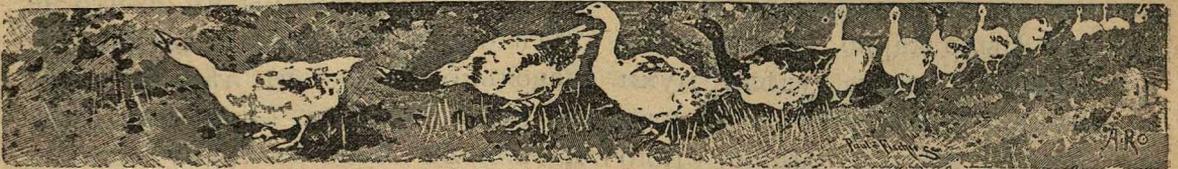
— Будьте здѣсь хозяйкой! сказалъ онъ.—Мы не разстанемся уже больше никогда!

Она не отвѣтила, но онъ понялъ ее безъ словъ и сталъ рассказывать ей всю свою прошлую жизнь.

Черезъ три дня была ихъ свадьба. Съѣхалось много гостей, было весело и вино лилось рѣкой. Приѣхалъ отецъ Денизы и еще долгое время прогостилъ у молодыхъ и послѣ свадьбы. Бѣдныя его старшія дочери приѣхать не могли: имъ не во что было одѣться. У одной изъ нихъ мужъ пропилъ все, а у другой по глупости распродалъ все имущество въ долгъ и денегъ не получилъ. Впрочемъ, имъ обѣимъ было такъ стыдно передъ своей младшей сестрой и такъ завидно на ея счастье, что онѣ все равно не рѣшились-бы къ ней приѣхать, несмотря на то, что она ихъ очень приглашала.

Стыдъ—какъ дымъ; онъ ѣстъ глаза. А чистое сердце и доброта всегда дѣлають человека счастливымъ.

Гіальмаръ. (По М-me L. Beaumont).

ОСЕННИЕ МОТИВЫ.

I.

Чуть грѣтъ солнышко. Глубоки небеса.
И воздухъ холоденъ. И поле такъ открыто.
И рѣже и свѣтлѣй безмолвные лѣса,
Листою желтою покрыты.

Какъ въ клѣткѣ золотой, одна среди вѣтвей,
Синица прыгаетъ... Пугливо смотрятъ глазки...
Въ лѣсномъ молчаніи журчитъ одинъ ручей,
Свои досказывая сказки...

II.

Вѣтеръ съ сѣвера дуетъ давно,—
Пожелтѣвшіе листья срываетъ,
И стучитъ голой вѣткой въ окно,
И пустую скворешню качаетъ...

Улетѣла пернатая рать
За лѣса, за туманныя дали...
Ахъ, скорѣе, скорѣй-бы опять
И весна, и скворцы прилетали!..

Ф. Черновъ.

ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО СТОРОЖА.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Однажды Мизи осталась одна дома. Отецъ и братья ушли на работу. Фрау-Эми лежала больная и, повидимому, спала, а Гульда со сметаной и съ масломъ отправилась въ сосѣдній городокъ на базаръ. Было жарко. Слышно было, какъ на окнахъ гудѣли мухи и какъ далеко-далеко въ лѣсу кто-то рубилъ дерево. Мизи стало скучно. Она окликнула раза два фрау-Эми, не получила отъ нея отвѣта и, позвавъ съ собою Пульку, вышла изъ избушки. Что было дѣлать? Все по дому было уже исполнено. Отъ жары ни за что не хотѣлось приниматься и какъ-то невольно тянуло въ лѣсную тѣнь. Мизи отошла къ большому дубу и сѣла въ тѣни на траву. Но ее

властно тянуло опять въ замокъ. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на его цвѣты, статуи, на его широкую мраморную лѣстницу, ведущую къ крыльцу. Что-то величественное, могучее нравилось ей въ его толстыхъ, гранитныхъ стѣнахъ и въ старомъ плуцѣ, уже столько столѣтій обвивавшемъ его башни. И будучи не въ силахъ побороть себя, она поднялась, кликнула Пульку и отправилась къ шоссе.

— Пулька, пойдёмъ! сказала она.

Высунувъ розовый язычокъ, старенькая Пулька послушно побѣжала за ней, стараясь глядѣть на нее изъ подъ нависшей на морду шерсти.

Но вотъ ужъ и шоссе. Вотъ направо, на скалѣ, виднѣется замокъ Алленштейнъ. Мизи останавливается, переводитъ духъ и долго не рѣшается туда идти.

— Вѣдь меня просили туда не ходить!.. думаетъ она.—Нашимъ не понравилось тогда, что я тамъ была!

Но искушеніе оказалось большимъ, она не совладѣла съ нимъ и пошла. Ее все интересовало по дорогѣ. Съ бьющимся сердцемъ, съ какимъ-то страннымъ волненіемъ, котораго она и сама не смогла бы себѣ объяснить, она поднималась по шоссе и наконецъ вышла на площадку, на которой былъ расположенъ замокъ. Когда она до-

стигла большихъ воротъ парка, украшенныхъ каменными львами, то изъ хорошенькаго, обвитаго вьющимися розами и плющомъ домика, къ ней навстрѣчу вышла привратница; за ней выскочили ея двое ребятишекъ и съ удивленіемъ посмотрѣли на Мизи. Привратница утерла фартухомъ ротъ и съ добродушной, ласковой улыбкой спросила:

— Тебѣ, дѣвочка, кого?

Мизи смутилась.

— Такъ, никого... робко отвѣтила она.—Я только пришла сюда посмотрѣть... Здѣсь такъ хорошо!

— Ну, что-жъ! ободрила ее привратница.—Войди, погуляй въ саду. Графини и ея барыни нѣтъ дома. Онѣ уѣхали въ городъ. Только веди себя хорошо, не топчи травы и не рви цвѣты.

Она отворила тяжелую, желѣзную, рѣзную калитку и пропустила черезъ нее Мизи.

Дѣвочка вошла въ паркъ. Пулька послѣдовала за нею. По мѣрѣ того, какъ Мизи все углублялась и углублялась въ него, все возбуждало въ ней восхищеніе — и рѣдкія, диковинныя деревья, и роскошные папоротники, и всевозможные цвѣты, цѣлыми группами росшіе на подстриженныхъ полянахъ. Пышные, горделивые павлины расхаживали по парку, перебѣгали дорожки кролики и мирно паслись то тамъ, то здѣсь прекрасные, стройные олени съ вѣт-

На представлені.

вистыми рогами. Дѣвочкѣ все это казалось волшебной сказкой.

— Вотъ-бы здѣсь жить всегда! вздохнула она.

Но вотъ и замокъ. Его башни, бойницы и зубчатая стѣна сплошь заросли ползучими розами, которыя теперь въ полномъ цвѣту. Вотъ и та мраморная лѣстница, которую въ первый разъ съ та-

ногъ бросается по лѣстницѣ къ крыльцу и вбѣгаетъ въ замокъ.

— Пулька! Пулька! кричитъ ей въ тревогѣ Мизи.

Но Пулька не возвращается.

И вдругъ въ дверяхъ замка появляется лакей, одѣтый въ красную ливрею. Онъ выталкиваетъ Пульку изъ замка ногой и затворяетъ дверь.

Веселая публика.

кимъ удивленіемъ увидѣла Мизи, когда провожала на экипажѣ даму. Что, если по ней подняться ко крыльцу и войти въ самый замокъ?

„Воображаю, какъ тамъ интересно!“

И пока она стоитъ въ задумчивости и не знаетъ, какъ поступить, Пулька вдругъ къ чему-то принимается, выказываетъ признаки нетерпѣнія и затѣмъ со всѣхъ

— Пошла прочь! кричитъ онъ. — Откуда ты взялась? Иди прочь!

И увидѣвъ внизу дѣвочку, онъ машетъ ей рукой.

— Уходи, уходи! кричитъ онъ ей. — Нечего тутъ! Господь нѣтъ дома! Здѣсь не подаютъ!

Мизи задѣваетъ за живое то, что ее сочли за нищую, и, полная обиды, она поворачиваетъ назадъ и идетъ домой.

— Да иди ты, Пулька! кричить она въ досадѣ на собачку.—Чего ты все оборачиваешься назадъ? Развѣ ты не видишь, что насъ прогнали?

Она возвращается домой, садится въ уголокъ и задумывается. Фрау-Эми все еще спитъ, дома нѣтъ еще никого и только слышно, какъ жужжать мухи, да какъ далеко въ лѣсу все еще рубятъ деревья.

А затѣмъ она въ мечтахъ засыпаетъ. Ее будятъ голоса возвратившихся братьевъ и Гульды; всѣ рассказываютъ, гдѣ кто былъ и что дѣлалъ, но она молчитъ и боится рассказать о своей тайнѣ. Такъ никто и не догадывается, что она была въ замкѣ. Потомъ начинается ужинъ; всѣ поработали, устали и потому веселы и ѣдятъ съ аппетитомъ и только одна Мизи сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ за столомъ, слушаетъ и молчитъ.

На слѣдующее утро случилось событіе: исчезла Пулька. Ее хватились въ десять часовъ, чтобы покормить, но не нашли нигдѣ. Ее кликали, искали, обошли всѣ мѣста вокругъ избушки, но прошелъ день, насталъ вечеръ, наступила затѣмъ ночь—и она такъ и не явилась. Мизи плакала въ три ручья. Гульда тоже вытирала слезы и долго за полночь раздавались около избушки ихъ унылые голоса:

— Пулька! Пулька! Пулька!

Но собачка не отзывалась и не приходила и теперь уже для всѣхъ было ясно, что она не возвратится уже совсѣмъ.

— Вѣроятно, она куда-нибудь забѣжала, сказалъ Вилли,—и отъ старости издохла!

— Это не можетъ быть, сказалъ Кириакъ.—Собака всегда умираетъ у себя дома. Ее вѣроятно схватилъ орелъ и унесъ.

Это объясненіе показалось всѣмъ очень правдоподобнымъ и всѣ такъ и рѣшили, что бѣдная Пулька погибла отъ орла. Поплакали, погоревали, повздыхали—и наконецъ, примирились съ пропажей. Но послѣ исчезновенія Пульки для Мизи стало казаться въ избушкѣ какъ-то пустынно и уныло, точно маленькая собачка была человѣкомъ и занимала избушку всю.

Теперь ужъ Мизи выходила гулять въ лѣсъ одна.

Однажды въ жаркій іюльскій день она побѣжала въ лѣсъ. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ, которое знала только она одна, изъ подъ большой старой липы пробивался прохладный, хрустальный ключъ и нѣсколькими водопадами падалъ съ горки внизъ и затѣмъ терялся въ высокой густой травѣ. Мизи очень любила это мѣсто и часто просиживала здѣсь долгіе часы, опустивъ ноги въ воду и предаваясь своимъ мечтамъ. Она была увѣрена, что была здѣсь всегда

одна и что это мѣсто было еще неизвѣстно никому. И дѣйствительно, здѣсь было превосходно. Подъ тѣнью липы было прохладно, жужжали мушки, рѣяли бабочки и кругомъ стояла глубокая тишина, располагавшая къ мечтамъ. Прямо изъ воды поднимались ирисы съ своими причудливыми желтыми и лиловыми цвѣтами и цѣлыя семьи незабудокъ голубыми пятнами пестрѣли у береговъ.

На этотъ разъ Мизи ошиблась. Она оказалась у ключа не одна. Подойдя къ нему близко, она услышала около него чьи-то голоса и это заставило ее испугаться. У липы сидѣли двѣ дамы и вели между собой разговоръ. Мизи раздвинула скрывавшіе ихъ отъ нея кусты орѣшника и приглядѣлась. Въ одной изъ нихъ она узнала ту даму, съ которой ѣхала въ экипажѣ и которая подарила ей розу, а другая, бывшая вся въ глубокомъ траурѣ, на этотъ разъ откинула назадъ свою вуаль и поразила Мизи своей блѣдностью.

„Вѣроятно, это сама графиня“... подумала дѣвочка и сердце ея почему-то затрепетало.

Красивое, блѣдное лицо графини было заплакано, въ глазахъ свѣтилась задумчивая грусть. Она сидѣла у ручья, сложивъ руки на колѣняхъ, и съ грустью говорила:

— Нѣтъ, я больше не могу оставаться здѣсь!.. Я больше не въ

силахъ переносить своего одиночества. Я думала, что если куплю здѣсь замокъ и буду жить въ этихъ мѣстахъ, гдѣ пропала моя дочь, то хоть сколько-нибудь успокоюсь. Но вотъ уже семь лѣтъ, какъ я нигдѣ не нахожу покоя.

— Ничего, графиня, старалась утѣшить ее другая дама, — Богъ вамъ поможетъ перенести ваше горе. Не теряйте только надежды. Вѣдь наплась-же ваша собачка! Быть можетъ, найдется и ваша дочь...

— Собака не человѣкъ... За эти семь лѣтъ она могла найти себѣ пріютъ у кого-нибудь изъ здѣшнихъ крестьянъ. А ребенокъ—это совсѣмъ другое дѣло... Вѣроятно, онъ свалился въ пропасть и погибъ.

И она закрыла руками лицо и заплакала.

Дѣвочкѣ стало ее жаль. Будучи не въ силахъ сдержать себя и желая ее утѣшить, Мизи еще шире раздвинула кусты и вышла на лужайку. Она слышала, что говорили про какую-то напедшуюся собачку и про пропавшаго ребенка, но не обратила на это никакого вниманія, такъ какъ вся была поглощена слезами графини и желаніемъ сдѣлать ей хоть что-нибудь пріятное. Еще по дорогѣ сюда она набрала цѣлый букетъ васильковъ и это придавало ей смѣлости. Она быстро поправила на головѣ волосы, оглядѣлась, все-ли было на

ней въ порядкѣ, и подбѣжала къ графинѣ.

— Сударыня, просто обратилась она къ ней и протянула къ ней букетъ.—Позвольте мнѣ подарить вамъ эти цвѣты!

Услышавъ ея голосъ, графиня вздрогнула и закрыла руками лицо. Другая дама въ безпокойствѣ вскочила съ мѣста, схватила Мизи за руку и отвела ее къ сторонкѣ.

— Уйди, дѣвочка, поскорѣе отсюда! сказала она ей.

Мизи стояла въ страхѣ, какъ вкопанная, и ничего не понимала.

— Почему? спросила она. — Я только хотѣла подарить цвѣты.

— Не надо, милая! продолжала дама.—Когда нибудь послѣ это сдѣлаешь, а теперь уходи! Эта дама когда-то потеряла свою дочь и съ тѣхъ поръ не можетъ спокойно видѣть маленькихъ дѣтей. Цѣлые дни послѣ такихъ встрѣчъ она горько плачетъ...

Въ разочарованіи Мизи хотѣла было уже уйти, но графиня обратила на нее вниманіе, приняла отъ лица руки и жестомъ ее оставила и поманила къ себѣ.

Мизи боязливо поглядѣла на даму, приказывавшую ей поскорѣе уйти, а потомъ рѣшилась и подошла къ графинѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спросила ее графиня.

— Мизи... отвѣтила дѣвочка.

— Ты чья? Кто твой отецъ и мать?

— Я дочь здѣшняго лѣсничаго. Наша сторожка здѣсь недалеко въ лѣсу... Не желаете-ли вы зайти сейчасъ къ намъ, напиться молока и отдохнуть?

— Нѣтъ, дитя мое...

Графиня взглядѣлась въ нее и притянула ее за руку къ себѣ поближе.

— Подойди ко мнѣ поближе, сказала она.—Я хочу заглянуть въ твои глазки.

Мизи подошла къ ней. Графиня долго смотрѣла ей въ глаза и потомъ обратилась къ своей компаньонкѣ:

— Вы ничего не замѣчаете, Луиза, въ этихъ глазахъ? спросила она.—Какое странное, поразительное сходство!

— Нѣтъ, графиня... отвѣтила компаньонка.—Это вамъ такъ кажется. Вы всюду стараетесь видѣть глаза вашей дочери.

— Нѣтъ, нѣтъ, Луиза! Вы посмотрите сюда! Точь въ точь глаза моего покойнаго мужа на томъ большомъ портретѣ, который виситъ въ гостиной!

— Право, не знаю, графиня... Я плохо въ этомъ понимаю.

Но графиня уже снова занялась Мизи. Она стала оглядывать ее со всѣхъ сторонъ, поворачивала ее, гладила ей волосы и приглядывалась къ каждому родимому пятнышку на ея лицѣ, шеѣ и рукахъ.

— Точь въ точь!.. повторяла она.—Можетъ-ли это быть?

И, обратившись къ Мизи, она продолжала:

— Вотъ что, дитя мое!.. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты принесла мнѣ цвѣтовъ въ замокъ... Я живу тамъ, на горѣ. Замокъ Алленштейнъ!.. Знаешь? Ты сумѣешь меня найти?

Боже мой, сама графиня приглашаетъ Мизи къ себѣ въ замокъ! Теперь ужъ Мизи будетъ тамъ гостьей, теперь ее уже не прогонять оттуда, какъ нищенку, никто и она побываетъ не только на дворѣ, но и внутри замка, въ его комнатахъ и галлерейхъ. Отъ радости все помутилось у нея въ головѣ, она пришла въ восторгъ и чисто-по дѣтски, не соображая ничего, бросилась къ графинѣ на шею и стала ее цѣловать.

— Найду, найду! отвѣтила она.— Я уже была у васъ въ саду! Я такъ часто гуляю около вашего замка!

— А ты не заблудишься одна? спросила графиня.

— Я? удивилась дѣвочка.

И она весело и звонко разсмѣялась. При звукѣ ея радостнаго, серебристаго смѣха лицо графини прояснилось и она даже заулыбалась.

— А я думала, что ты боишься ходить одна такъ далеко, сказала она.— Въ такомъ случаѣ приходи ко мнѣ завтра. Я буду ожидать тебя съ утра.

Дѣвочка была внѣ себя отъ восторга и захлопала въ ладоши.

— Вотъ хорошо-то! воскликнула она.— Я обязательно приду! Завтра утромъ я буду уже у васъ!

И сдѣлавъ дамамъ реверансъ, Мизи съ всѣхъ ногъ побѣжала домой.

— Завтра я буду въ замкѣ! повторяла она дорогой.— Завтра я буду въ замкѣ!

На слѣдующій день Мизи поднялась чуть свѣтъ и время до десяти часовъ утра показалось ей цѣлой вѣчностью. Чтобы скоротать его, она убрала всю избушку, перемыла всю посуду, вытерла всю пыль, какая только была, и даже подмела дворикъ вокругъ сторожки.

— Ну, говорили домашніе,— на нашу Мизи сегодня напала приборка!

Наконецъ настали желанные десять часовъ. Всѣ уже ушли на работу, дома остались только фрау-Эми и Гульда,—значить, можно было уйти и Мизи.

— Я пойду погулять, обратилась она къ Гульдѣ.— Можно?

— Иди!.. отвѣтила Гульда.— Только не заходи далеко!

Мизи выпорхнула изъ избушки и, какъ птичка, полетѣла къ замку. Ее уже тамъ ожидали. По крайней мѣрѣ, она поняла это по тому, что при ея появленіи жена привратника выскочила изъ своего домика и почтительно распахнула передъ ней тяжелую калитку.

— Пожалуйте, барышня!.. лас-

ково сказала она.—Быть можетъ, васъ проводить?

—Нѣтъ, я дойду и сама, отвѣтила Мизи и побѣжала по парку.

Но вотъ и замокъ. У входа ее встрѣчаетъ тотъ самый лакей, который такъ еще недавно прогналъ ее, какъ нищенку, и тоже улыбается.

—Пожалуйте, барышня!.. говорить и онъ.

Мизи переступила порогъ въ замокъ и ей показалось, что она попала въ царство сказочныхъ фей. Вышедшая къ ней нарядная горничная провела ее черезъ цѣлый рядъ раззолоченныхъ комнатъ. Графиня сидѣла въ небольшой комнатѣ, очень просто обставленной. На стѣнѣ этой комнаты висѣлъ большой портретъ какой-то маленькой дѣвочки и рядомъ съ нимъ — другой такой-же портретъ господина, повидимому, мужа графини.

—Вотъ и я! весело сказала Мизи, просунувъ голову въ дверь къ графинѣ.

Графиня бросилась къ ней сама, ввела ее къ себѣ, приняла отъ нея букетъ незабудокъ и поставила его тотчасъ-же въ фарфоровую вазочку. Затѣмъ она притянула дѣвочку къ себѣ, горячо ее поцѣловала и усадила рядомъ съ собой.

—Сколько тебѣ лѣтъ? спросила она потомъ,

—Девять... отвѣтила Мизи.

—Большая вапа семья?

—Насъ всѣхъ семеро, отвѣтила Мизи.—Мама, папа, Гульда, Вилли, Фрицъ, Гретхенъ и я. Я — самая маленькая.

—Ты любишь своихъ братьевъ и сестеръ?

—Да... Въ особенности Гульду и Вилли. Онъ такой добрый! Нынѣшней осенью Вилли пойдетъ въ солдаты. Мнѣ будетъ скучно безъ него и я буду плакать...

Разговоръ продолжался еще долго, а затѣмъ графиня взяла ящикъ съ конфектами и стала наполнять ими карманы дѣвочки.

—Бери, бери, не бойся! говорила она.—У меня ихъ много. А вотъ это передай своему папѣ!

Она дала дѣвочкѣ нѣсколько золотыхъ манетъ. Мизи посмотрѣла на нихъ и положила ихъ на столъ.

—Не надо... сказала она и покраснѣла.—Папа и Вилли всегда говорили мнѣ, чтобы я ни отъ кого денегъ не брала. Деньги надо зарабатывать, а брать даромъ — стыдно...

Графиня улыбнулась, поцѣловала нѣсколько разъ дѣвочку въ глаза и позвонила. Вошла горничная.

—Проводите дѣвочку до самаго лѣса! приказала она.

И вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Въ незапертую горничной дверь вдругъ вбѣжала маленькая, бѣленькая, лохматенькая собачка, бросилась къ ногамъ

Мизи и стала радостно визжать и лизать ей руки.

— Пулька! съ восхищеніемъ воскликнула Мизи.— Милая, дорогая Пулька! Да какъ-же ты сюда попала? А мы думали, что тебя схватилъ орелъ!

И Мизи бросилась къ Пулкѣ и стала ее гладить, цѣловать и прижимать къ себѣ.

— Пулька! Пулька! повторяла она.— Наконецъ-то ты нашлась!

А графиня, полная удивленія, стояла тутъ-же, смотрѣла на всю эту сцену и ничего не могла понять.

— Это мой Принцъ! сказала

она затѣмъ.— Онъ пропадалъ у меня семь лѣтъ и только недавно нашелъ меня и прибѣжалъ. Откуда ты знаешь моего Принца?

— Это—нашъ Пулька! убѣжденно отвѣтила Мизи.— Онъ живетъ у насъ уже давно! Я знаю его съ тѣхъ поръ, какъ родилась... Спросите его самого!

И схвативъ Пульку поперекъ тѣла, она прижала собаку къ себѣ и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать съ ней изъ замка домой. Горничная едва могла за ней поспѣвать.

Метеоръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСТРѢЧА.

Жилъ былъ въ городѣ Царьградѣ, который называется теперь Константинополемъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ царедворцевъ— по имени Ксенофонтъ. Онъ былъ очень богатъ, у него было много имѣній, золота и серебра, его любилъ самъ императоръ, но онъ не гордился своимъ высокимъ положеніемъ и старался со всѣми быть ласковымъ и привѣтливымъ и всякому оказать помощь. Онъ былъ женатъ. Его жену звали Маріей. У нихъ были два сына— Иоаннъ и Аркадій. Ксенофонтъ далъ имъ блестящее по тому времени образованіе и, когда они окончили его, онъ захотѣлъ, чтобы они были еще образованнѣе, и послалъ ихъ продолжать ученіе въ финикійскій

городъ Бейрутъ, гдѣ тогда жили знаменитѣйшіе профессора.

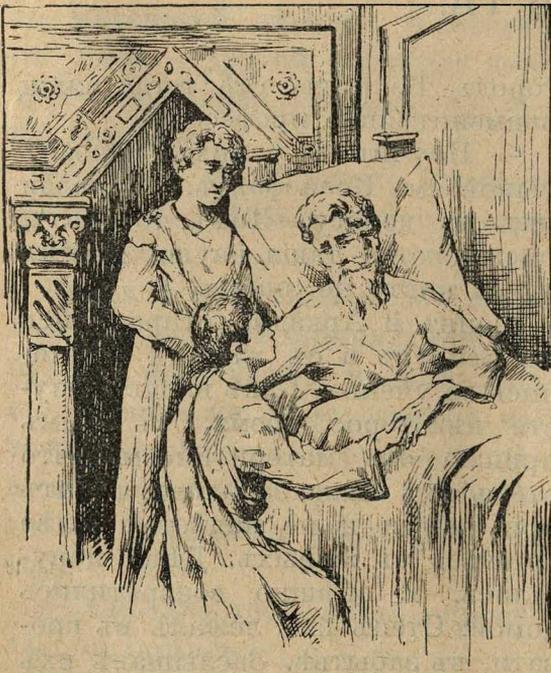
— Поучитесь у нихъ, сказалъ сыновьямъ Ксенофонтъ, отправляя ихъ въ дорогу.— Тамъ, говорятъ, преподаются такія науки, какихъ здѣсь никто не знаетъ.

Иоаннъ и Аркадій отправились въ Бейрутъ и съ жаромъ принялись за ученіе. Какъ вдругъ, спустя нѣкоторое время, къ нимъ пришло отъ матери письмо, что отецъ ихъ тяжело заболѣлъ, лежитъ при смерти и не надѣется болѣе остаться въ живыхъ. Дѣти испугались, и спѣшно возвратились домой. Отецъ ихъ лежалъ въ кровати, въ забытѣ. Заслышавъ ихъ голоса, онъ обрадовался, пришелъ въ себя и, собравшись съ си-

лами, обнялъ каждого и поцѣловаль:—

— Я умираю, дѣти мои, обратился онъ къ нимъ.— Но я хотѣлъ-бы передъ смертью сказать вамъ два слова и благословить васъ. Я никогда никого ничѣмъ не обидѣлъ и никогда никому не сказалъ обиднаго слова. Я не клеветаль, не завидоваль, не враждоваль, не сердился, старался всѣхъ любить и со всѣми жилъ мирно. Будьте же и вы ко всѣмъ кротки, со всѣми любезны, смиренны, берегите вашу душевную и тѣлесную чистоту, любите вашу мать, будьте милостивы къ домашней прислугѣ и къ рабамъ, отпустите старыхъ на волю, содержите ихъ на свой счетъ до самой ихъ смерти—и пусть Богъ мира будетъ съ вами!

Іоаннъ и Аркадій стояли около

— Я хотѣлъ-бы сказать вамъ два слова и благословить васъ.

отца и горько плакали. Затѣмъ ихъ отецъ снова впалъ въ забытѣе и они вышли къ рыдавшей въ сосѣдней комнатѣ матери.

— Ничего, мама, не плачь, успокойся... говорили они матери, стараясь ее утѣшить.— Отецъ выздоровѣетъ, онъ поправится!..

Они говорили такъ и въ то-же время не вѣрили себѣ: положеніе отца показалось имъ безнадежнымъ. Но случилось такъ, что на слѣдующій день Ксенофонту стало легче, черезъ три дня онъ уже попросилъ себѣ чего-нибудь поѣсть, а затѣмъ съ каждымъ днемъ здоровье его все улучшалось и улучшалось и мало-по-малу онъ наконецъ поправился совсѣмъ.

— Ну, дѣти, обратился онъ тогда къ сыновьямъ,—отправляйтесь вы опять въ Бейрутъ и заканчивайте тамъ ваше ученіе.

Опять ихъ собрали въ путь. Ксенофонтъ и Марія снабдили ихъ всѣмъ необходимымъ, дали имъ для услугъ рабовъ, усадили ихъ на корабль и отправили въ Бейрутъ. Пароходовъ тогда не было, путь былъ далекій, и всю Малую Азію приходилось огибать на веслахъ и парусахъ. Компасовъ и географическихъ картъ тоже не было и моряки угадывали свой путь по звѣздамъ.

— Пишите намъ! крикнулъ съ берега Ксенофонтъ сыновьямъ.— Счастливаго вамъ пути!

— Да благословить васъ Богъ! отвѣтили ему съ корабля Іоаннъ и Аркадій.

Вначалѣ было тихо и дулъ легкій попутный вѣтеръ, а затѣмъ вдругъ поднялась страшная непогода. Вѣтеръ задулъ прямо въ лицо, стали все рвать и метать на своемъ пути,

море потемнѣло, вздулось и стали подниматься громадныя пѣнистыя волны. Чтобы не опрокинуло корабль, матросы спустили на немъ паруса и его понесло вѣтромъ невѣдомо куда. Уставшіе гребцы выбивались изъ силъ. Но противъ порывовъ вѣтра корабль нельзя было сдержать, волны стали его заливать, и всѣ бывшіе на немъ испугались, стали плакать и ожидать своей смерти.

А тѣмъ временемъ вѣтеръ все усиливался и буря перешла въ ураганъ.

Видя, что кораблю уже не сдобровать, капитанъ и матросы рѣшили спастись и тайкомъ отъ всѣхъ, сѣли въ крытую шлюпку, которая не боялась волнъ, и, сдѣлавъ видъ, будто отправляются изслѣдовать дорогу, покинули корабль совсѣмъ и уплыли отъ него, оставивъ пассажировъ на произволъ судьбы. Они такъ разсуждали:—

— Уплывемъ отъ большого корабля одни, а то лодка наша мала, она не сможетъ вмѣстить всѣхъ. Авось насъ выкинетъ на берегъ!

Такъ ихъ участь и осталась неизвѣстной. Вѣроятно, они погибли.

Догадавшись, что капитанъ и матросы ихъ покинули, Іоаннъ и Аркадій приняли на себя командование судномъ. Но корабль скоро далъ течь и сталъ погружаться въ воду. Тогда, видя неминуемую гибель, братья сбросили съ себя одежды, и зная, что разстаются на вѣки, стали прощаться между собою и взывать къ своимъ родителямъ:

— Прощай, дорогой отецъ! Прощай и ты, наша кроткая, милая мать! Вы уже никогда больше не

увидите насъ и намъ уже никогда больше не жить вмѣстѣ съ вами!

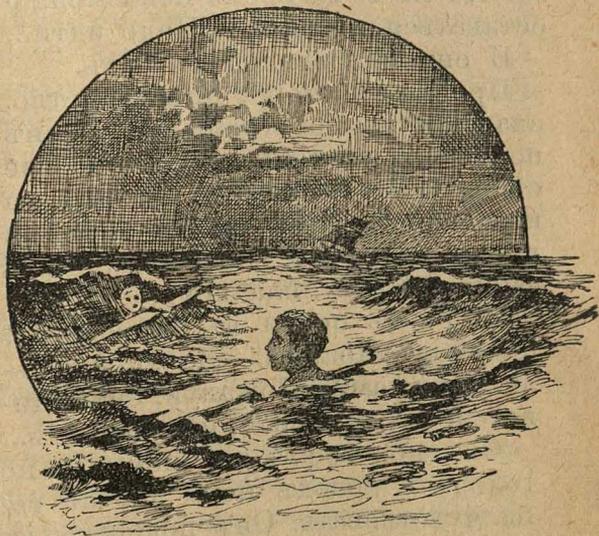
А потомъ Іоаннъ обнялъ Аркадія.

— Дорогой братъ, свѣтъ моихъ очей! сказалъ онъ.—Какъ тяжело мнѣ съ тобою разставаться! И если намъ суждено погибнуть, если намъ невозможно избавиться отъ смерти, то я желалъ бы, чтобы насъ обоихъ сразу покрыла одна и та же волна.

А затѣмъ они обратились къ сопровождавшимъ ихъ рабамъ:—

— Спасайтесь, добрые друзья и братья! Спасиѡ вамъ за ваши преданность и службу! Спасайтесь, кто можетъ.

Всѣ бросились къ бортамъ. Въ это время корабль разломился на части и всѣ попадали въ воду и были подхвачены разъярившимися волнами. Каждый изъ нашихъ путешниковъ ухватился за подвернувшійся ему подъ руку обломокъ или доску и всѣхъ ихъ разметало волнами въ разныя стороны. Долго ихъ носило по волнамъ. Наступилъ затѣмъ разсвѣтъ, а буря все не унималась. Цѣлые двое сутокъ

всѣ они были въ водѣ. Но какъ-то такъ счастливо случилось, что всѣ они были сохранены отъ утопленія и смерти и всѣхъ ихъ выкинуло на сушу въ совершенно различные мѣста. И каждый изъ нихъ, думая, что спасся только онъ одинъ, а всѣ остальные погибли, не столько радовался о своемъ избавленіи, сколько печалился о погибели другихъ.

— „Что съ моими господами?“ думалъ каждый изъ рабовъ.— „Живы-ли они? Удалось-ли имъ спастись?“

А Іоаннъ и Аркадій тоже въ свою очередь думали:—

— „Что теперь съ нашими рабами? Спаслись-ли они? Гдѣ теперь мой братъ? Живъ-ли онъ?“

Выйдя изъ воды, Іоаннъ упалъ на песокъ и долго пролежалъ безъ чувствъ. Когда-же онъ пришелъ въ себя, то солнце уже склонилось къ западу и нужно было подумать о себѣ и о приближавшейся ночи.

— Куда теперь пойду? размышлялъ онъ.—Я голый и мнѣ стыдно показаться людямъ на глаза. Но въ то же время невозможно оставаться и здѣсь... Надо идти...

И онъ отправился въ путь.

Пройдя нѣкоторое пространство, онъ увидѣлъ монастырь. Когда онъ подошелъ къ нему, то солнце уже сѣло. Сторожъ-служба отбилъ на колокольномъ часу, заперъ ворота и ушелъ на покой. Весь монастырь затихъ. Наступила ночь.

— Развѣ пойти въ монастырь? подумалъ Іоаннъ.—Да примуть-ли меня тамъ? Пожалуй, еще удивятся, что я голый, и прогонятъ...

Онъ подождалъ еще немного, но голодъ и холодъ ночи давали себя чувствовать. Онъ подошелъ къ

монастырю и постучался въ ворота. Привратникъ отперъ ему калитку. Увидѣвъ его нагимъ, онъ снялъ съ себя одежду и отдалъ ему ее. А затѣмъ, введя его въ свою келію, онъ обогрѣлъ его и далъ ему хлѣба.

— Откуда ты, братъ? обратился онъ къ Іоанну, когда тотъ поѣлъ.— Печему ты голый?

— Я не здѣшній, отвѣчалъ Іоаннъ.—Я выскочилъ изъ потерпѣвшаго крушеніе корабля, ухватился за доску и меня долго носило по волнамъ. Но Богъ спасъ меня и вотъ я попалъ въ вашу страну.

Привратникъ умилился и опять спросилъ:—

— Что-же ты теперь намѣренъ дѣлать, братъ?

— Да вотъ хотѣлъ бы остаться не надолго у васъ въ монастырѣ, отвѣчалъ ему Іоаннъ.— Умоляю тебя, скажи мнѣ, можно-ли мнѣ пожить у васъ хотя нѣкоторое время?

— Подожди немного, отвѣчалъ ему привратникъ.—Я пойду доложу о тебѣ нашему игумену.

Онъ отправился къ игумену и объяснилъ ему все.

— Приведи его сюда! сказалъ игумень.

Привратникъ ввелъ Іоанна.

Безпомощный видъ юноши, а главное—его простота и умъ произвели очень благоприятное впечатлѣніе на игумена. Онъ распросилъ его обо всемъ, заинтересовался его исторіей и разрѣшилъ ему остаться въ монастырѣ.

— Только ты будешь жить у насъ, какъ и всѣ иноки, сказалъ онъ.—Никакой роскоши ты у насъ не найдешь.

И сталъ Іоаннъ проводить жизнь, совершенно какъ монахъ, въ послушаніи и трудѣ, но только ни на одну минуту его не оставяла скорбь по братѣ Аркадіи, котораго онъ считалъ утонувшимъ.

Былъ въ этомъ монастырѣ нѣкій старецъ, который велъ чрезвычайно строгую жизнь: онъ все время проводилъ въ молитвахъ и трудѣ и еще при жизни копалъ для себя могилу, чтобы не затруднить ея никого и послѣ своей смерти. Звали его Христофоръ. Этотъ старецъ очень полюбилъ Іоанна и часто велъ съ нимъ оживленные бесѣды. И Іоаннъ въ свою очередь полюбилъ его. Послѣ трудовъ и молитвы онъ заходилъ къ нему въ келію и долго рассказывалъ ему о своихъ матери и отцѣ, которыхъ очень хотѣлъ-бы повидать, и о братѣ Аркадіи.

— Такъ ты-бы поѣхалъ къ себѣ въ Царьградъ! сказалъ ему однажды Христофоръ. — Вѣдь и родители твои вѣроятно уже соскучились по тебѣ!

Юноша глубоко вздохнулъ.

— Не могу... печально отвѣтилъ онъ. — Тогда мнѣ пришлось-бы самому, лично, сообщить имъ, что Аркадій утонулъ. А я этого сдѣлать не могу! Я не перенесу ихъ горя!

Затѣмъ старецъ Христофоръ собрался на богомолье въ Іерусалимъ, уѣхалъ—и Іоаннъ остался одинъ.

А Аркадій тѣмъ временемъ былъ живъ и здоровъ. Выйдя послѣ кораблекрушенія на берегъ совершенно въ другой сторонѣ, онъ тоже въ свою очередь сталъ думать о братѣ и плакалъ о немъ такъ, что даже изнемогъ. Успо-

коившись немного, онъ побрелъ отъ берега, куда глядѣли его глаза, и скоро дошелъ до какой-то деревни, къ которой ему дали поѣсть и кто-то снабдилъ его верхней одеждой. Подкрѣпившись немного, Аркадій помолился о братѣ, легъ на траву и заснулъ. Это еще болѣе успокоило его. Проснувшись, онъ снова сталъ обсуждать свое положеніе.

— Если я отправлюсь сейчасъ домой, къ родителямъ, то явившись къ нимъ безъ брата, одинъ, конечно, очень ихъ опечалю. Если же я отправлюсь въ Бейрутъ и буду продолжать тамъ ученіе одинъ, то мнѣ тогда придется все время пока я буду жить въ Бейрутѣ, вводить ихъ въ заблужденіе, будто мой братъ живъ и учится вмѣстѣ со мною. А какъ я смогу солгать? Вѣдь потеря Іоанна ихъ убьетъ! Что-же мнѣ теперь дѣлать? Развѣ я могу вернуться безъ Іоанна домой? Нѣтъ, пойду лучше, куда глядятъ мои глаза!

И онъ отправился въ путь. Долго онъ шелъ по знойной пустынѣ, скитаясь цѣлые мѣсяцы то тамъ, то тутъ и проводя ночи то подъ открытымъ небомъ, то въ патрѣ сарацина, то въ палаткѣ встрѣчнаго араба. Такъ прошли полгода. Наконецъ онъ выбрался на большую караванную дорогу, по которой шли толпами путники и важно шествовали верблюды.

— Куда ведетъ эта дорога? спросилъ Аркадій.

— Во святыи градъ Іерусалимъ! отвѣтили ему прохожіе.

Онъ присоединился къ нимъ и отправился вмѣстѣ съ ними въ Іерусалимъ. Въ той-же самой группѣ паломниковъ, съ которой онъ

шель, находился и старецъ Христофоръ. Онъ увидѣлъ юношу, замѣтилъ въ немъ сходство съ Иоанномъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Съ этой минуты всю дорогу они шли уже вмѣстѣ. Старецъ разспрашивалъ его, Аркадій не утаивалъ отъ него ничего, и Христофоръ скоро убѣдился, что это дѣйствительно былъ братъ Иоанна.

— Не печалься, сказалъ юношѣ старецъ.—Твой братъ живъ и весьма возможно, что ты скоро увидишь его собственными глазами.

Слова эти изумили Аркадія. Онъ припалъ къ ногамъ Христофора и сталъ умолять его, чтобы онъ хоть что-нибудь рассказалъ ему о братѣ. Но старецъ хранилъ упорное молчаніе.

— Вотъ что, сказалъ онъ ему наконецъ.—Если ты хочешь увидеть своего брата, то ты долженъ остаться на нѣкоторое время въ Іерусалимѣ. Черезъ годъ или черезъ два я снова буду здѣсь и тогда приведу къ тебѣ твоего брата. Важно только, чтобы ты былъ здѣсь и чтобы намъ не разойтись. Поэтому я помѣщу здѣсь тебя въ знакомый мнѣ монастырь и ты дожидайся въ немъ моего возвращенія.

Аркадій согласился, старецъ привелъ его въ монастырь святого Харитонія, передалъ его съ рукъ на руки настоятелю, а самъ пошелъ далѣе. Такъ они и разстались. Какъ и Иоаннъ, Аркадій сталъ много трудиться и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличался отъ другихъ иноковъ.

Прошло два года. Ксенофонтъ, не зная, что случилось съ его сыновьями на морѣ, послалъ одно-

го изъ своихъ рабовъ въ Бейрутъ, гдѣ должны были заканчивать свое ученіе Иоаннъ и Аркадій, и приказалъ ему разузнать, какъ ихъ здоровье и скоро-ли они окончатъ курсъ, такъ какъ отецъ и мать очень дивились тому, что ихъ дѣти столько времени не дали о себѣ знать и не написали о себѣ ни строчки.

Прійдя въ Бейрутъ и узнавъ, что дѣти его господина такъ и не пріѣзжали учиться, рабъ подумалъ, что они отправились въ Аѳины, гдѣ преподавались еще лучшія науки и гдѣ профессора были еще знаменитѣе, и пошелъ самъ въ Аѳины. Но и тамъ ихъ не нашелъ. Тогда въ смущеніи онъ побрелъ къ себѣ домой. На пути онъ остановился отдохнуть на одномъ постояломъ дворѣ и вдругъ встрѣтилъ тамъ прохожаго. Онъ приглядѣлся къ нему и узналъ въ немъ одного изъ тѣхъ рабовъ, которые плыли по морю вмѣстѣ съ Иоанномъ и Аркадіемъ.

— Не рабъ-ли ты моего господина Ксенофонта? спросилъ онъ прохожаго.

Тотъ отвѣтилъ:—Да, я рабъ его.

— Гдѣ-же наши господа Иоаннъ и Аркадій? Я изъ силъ выбился, отыскивая ихъ.

Прохожій глубоко вздохнулъ.

— Другъ мой, отвѣтилъ онъ со слезами,—наши господа утонули въ морѣ. Утонули и всѣ, кто былъ съ ними. Только я одинъ и спасся. И вотъ я предпочелъ лучше странствовать, чѣмъ возвращаться домой и принести нашимъ господамъ злую вѣсть.

Услышавъ эти слова, рабъ началъ горько плакать.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать?

воскликнулъ онъ. — Если возвратиться домой къ господину своему, то какъ повѣдать ему такія скорбныя вѣсти? Какъ сказать отцу и матери, что ихъ дѣти утонули? Вѣдь они отъ этого умрутъ! Я не хочу быть причиной ихъ преждевременной смерти и не вернусь назадъ ни за что.

Увидѣвъ, что онъ плачетъ и не хочетъ возвращаться къ Ксенофонту, добрые люди стали утѣшать его и совѣтовали ему идти къ своимъ господамъ и сообщить имъ обо всемъ.

— Такъ лучше будетъ! говорили они. — Нельзя-же до сихъ поръ оставлять отца и мать въ неизвѣстности!

Рабъ послушался ихъ совѣта, возвратился въ Царьградъ и, войдя въ домъ своего господина, сѣлъ, поникнувъ головою, и въ смущеніи молчалъ.

Узнавъ, что онъ вернулся, госпожа его Марія позвала его къ себѣ.

— Какъ поживаютъ наши дѣти? спросила она его.

— Ничего себѣ, здоровы... отвѣтилъ рабъ.

— А гдѣ отъ нихъ письмо?

— Потерялъ въ дорогѣ.

Она не повѣрила ему и сердце ея смутилось.

— Скажи мнѣ всю правду, обратилась она къ нему. — Изболѣлась я душою, имѣй страхъ Божій!

Рабъ не въ силахъ былъ больше притворяться и, горько заплакавъ, сталъ передавать ей все, какъ было. Она громко зарыдала, а потомъ немного успокоилась, перекрестилась и сказала:—

— Молчи. Не рассказывай объ этомъ никому!

И вышла.

Насталъ вечеръ. Изъ дворца возвратился отъ царя Ксенофонтъ. Впереди и позади него шла свита и слава его была велика. Прийдя домой, онъ отпустилъ всѣхъ, провожавшихъ его, и сталъ ужинать.

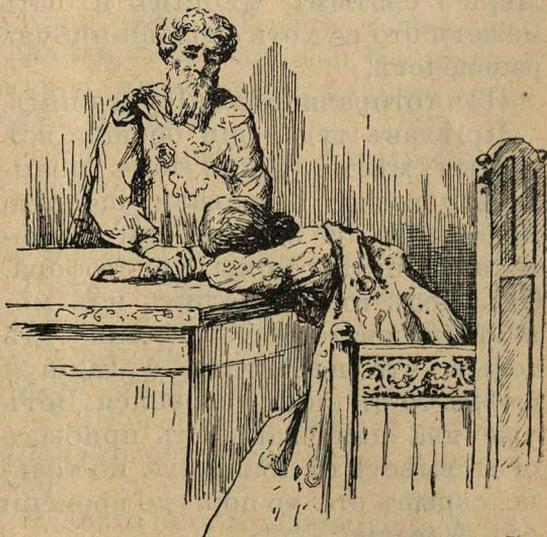
— А знаешь-ли, — сказала ему Марія, рабъ нашъ возвратился отъ дѣтей изъ Бейрута.

— Ну, слава Богу! — отвѣчалъ Ксенофонтъ. — А гдѣ-же онъ?

— Не будемъ сегодня беспокоиться и давай лучше кушать. Завтра ты прочтешь письма, да къ тому же наши дѣти многое велѣли передать и устно.

— Нѣтъ, письма я сегодня хочу прочесть и узнать, здоровы-ли дѣти, а то, что рабъ хочетъ передать устно, могу выслушать и завтра.

Марія не могла уже больше сдержаться, залилась слезами и отъ горя не могла ничего отвѣтить. Ксенофонтъ удивился и спросилъ ее.

— Что съ тобою, Марія?

— Что съ тобою, Марія? Чего ты такъ плачешь? Ужь не заболѣли-ли наши дѣти?

Она едва могла отвѣтить:

— Лучше было бы, если бы заболѣли! Но они погибли въ морѣ!

Ксенофонтъ застоналъ и тоже залился слезами. Затѣмъ они заговорились въ своей комнатѣ и проплакали всю ночь. Когда-же стало свѣтать, то они заснули.

Пробудившись-же, они уже не могли оставаться дома, гдѣ каждый предметъ напоминалъ имъ объ ихъ дѣтяхъ, и затосковали. Тоска ихъ была такъ велика, что они нигдѣ не могли найти себѣ мѣста и ходили, какъ тѣни. Это замѣтилъ и самъ императоръ.

— Вы-бы поѣхали куда-нибудь путешествовать, обратился онъ къ Ксенофонту.—Это васъ хоть немного развлекло бы. А то на васъ обоихъ нѣтъ лица!

Ксенофонтъ послушался императора и сталъ собираться въ путь.

— Поѣду я въ Иерусалимъ! рѣшилъ онъ.—Поклонимся тамъ съ Маріей святымъ мѣстамъ и быть можетъ это ее хоть сколько-нибудь развлечетъ!

И они отправились въ Иерусалимъ.

Приѣхавъ туда, они обошли всѣ святыя мѣста, много тамъ молились и всюду раздавали щедрую милостыню. И вдругъ они встрѣтили по пути старца Христофора. Онъ шелъ въ Иерусалимъ изъ монастыря святого Харитонія, гдѣ только что навѣстилъ Аркадія и о чемъ то съ нимъ условился. Вотъ уже два дня, какъ онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ Іоанномъ, но только скрылъ это до поры до времени отъ Аркадія.

Увидѣвъ Христофора, Ксено-

фонтъ и Марія поклонились ему и стали просить его молитвъ.

— А вы кто такіе будете? спросилъ старецъ Христофоръ, тронутый ихъ печальнымъ видомъ.

— Мы изъ Царьграда, отвѣтили они,—приѣхали сюда помолиться за погибшихъ дѣтей. Оба они утонули въ морѣ.

И они рассказали старцу все, что съ ними случилось.

— Не печальтесь, сказалъ онъ имъ,—не скорбите! Ваши дѣти живы. Идите туда, куда идете, а завтра къ утру возвратитесь въ Иерусалимъ.

Они едва вѣрили своимъ ушамъ. Они поклонились ему до земли и отъ радости не знали, что дѣлать. Онъ же благословилъ ихъ и пошелъ дальше, едва находя въ себѣ силъ, чтобы раньше не открыть своей тайны. Его приводило въ восторгъ и въ удивленіе то, что вся семья такимъ чудеснымъ образомъ сошлась въ одномъ и томъ же городѣ послѣ столькихъ слезъ и испытаній.

-- Завтра они утѣшатся!.. шептала онъ по дорогѣ.—Завтра всѣхъ ихъ утѣшитъ Господь!

Онъ пришелъ въ Иерусалимъ и вошелъ въ свою комнатку на постояломъ дворѣ, гдѣ дожидался его Іоаннъ.

— Умоляю тебя, отецъ, обратился къ нему Іоаннъ,—скажи, гдѣ мой братъ? Изболѣлась моя душа отъ желанія его видѣть! Вѣдь когда ты бралъ меня съ собой, то ты общалъ мнѣ его показать!

— Потерпи немного, отвѣтилъ ему старецъ и, взявъ его за руку, вывелъ его на улицу и сѣлъ за воротами на лавочку.—Сядь здѣсь рядомъ со мной!

Іоаннъ сѣлъ и черезъ нѣсколько минутъ къ старцу подошелъ какой-то другой юноша, одѣтый въ монашескій подрясникъ. Онъ былъ худъ и блѣденъ и, повидимому, усталъ отъ ходьбы. Это былъ Аркадій. Іоаннъ не узналъ его.

— А я тебя долго искалъ, отче, обратился онъ къ Христофору, и вотъ насилу тебя нашелъ!

— Сядь рядомъ со мною, сказалъ ему Христофоръ.

Аркадій сѣлъ. Помолчавъ немного, старецъ обратился къ Іоанну:—

— Откуда ты родомъ?

Іоаннъ сталъ рассказывать, что онъ родомъ изъ Царьграда, сынъ боярина, что у него былъ братъ Аркадій, вмѣстѣ къ которому онъ былъ посланъ въ Бейрутъ учиться, что поднялась буря и корабль ихъ разбился, и что утонули всѣ, кромѣ его одного.

Слушая его рассказъ, Аркадій всмотрѣлся въ него и узналъ въ немъ своего брата и, отъ любви къ нему, будучи не въ состояніи больше утерпѣть, воскликнулъ:

— Да, это братъ мой Іоаннъ!

— Я и самъ знаю это,—отвѣчалъ старецъ,—только хотѣлъ, чтобы вы сами узнали другъ друга.

И бросились братья одинъ другому на шею и полные радости долго обнимались и цѣловались.

На другой день возвратились въ Іерусалимъ Ксенофонтъ и Марія. Увидѣвши старца, они узнали его и поклонились ему.

— Отче,—сказали они ему—исполни-же свое обѣщаніе, покажи намъ нашихъ дѣтей!

А въ это время около старца стояли Іоаннъ и Аркадій. Старецъ приказалъ имъ нарочно ничего не

говорить, не смотрѣть на родителей и опустить глаза въ землю, чтобы никто ихъ не узналъ. Дѣти тотчасъ-же признали своихъ родителей и обрадовались, но родители никакъ не могли ихъ узнать. И обратился къ Ксенофонту и Маріи старецъ:

— Пойдите на вашу квартиру и приготовьте намъ поѣсть, а я приду къ вамъ съ этими учениками моими, покушаемъ всѣ вмѣстѣ, и тогда я сообщу вамъ, гдѣ ваши дѣти.

Они обрадовались и приготовили отличный обѣдъ. Вскорѣ пришли къ нимъ старецъ съ Іоанномъ и Аркадіемъ, которымъ онъ приказалъ все еще не открываться, сѣли за столъ и стали кушать и разговаривать о постороннемъ.

— Отче, не утерпѣли Ксенофонтъ и Марія,—скажи же намъ, какъ живутъ наши дѣти?

— Отлично, отвѣчалъ имъ старецъ.

— Какіе славные твои ученики, отче! Что, если бы и наши дѣти были таковы же! Очень они полюбились намъ! И какъ только мы увидали этихъ юношей, то обрадовались имъ, точно нашимъ роднымъ дѣтямъ.

Тогда обратился старецъ къ Аркадію:

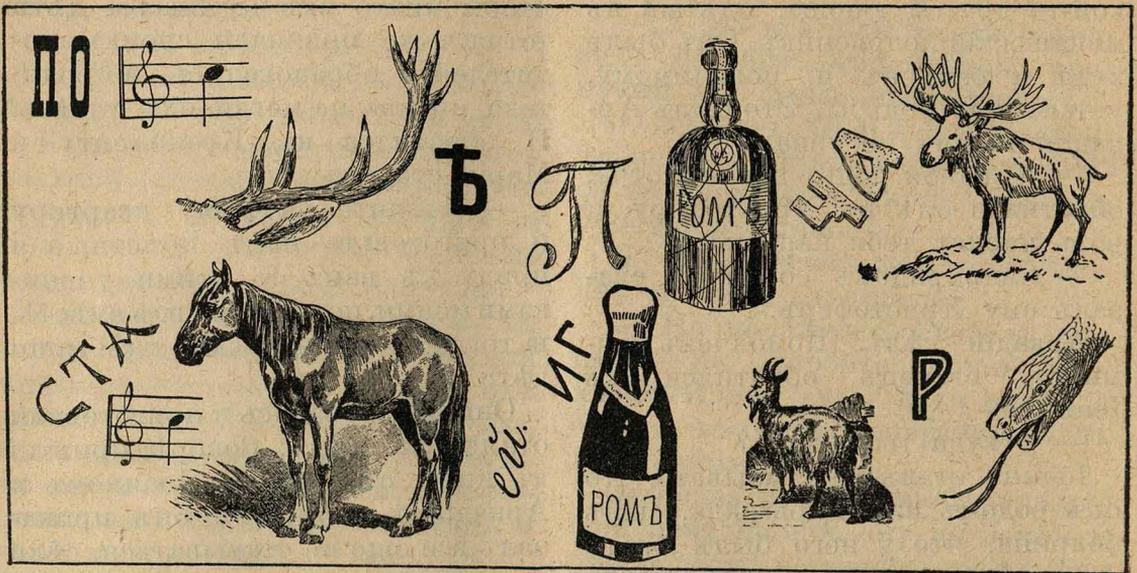
— А ну-ка, расскажи намъ, гдѣ ты родился и какъ воспитанъ?

Какъ только Аркадій рассказывалъ свою исторію, такъ тотчасъ же родители и узнали своихъ дѣтей, не давши ему еще договорить.

— Да это дѣти наши!—воскликнули они.—Это свѣтъ нашихъ очей!

И долго они прижимали ихъ къ сердцу, цѣловали и плакали отъ

Ребусъ № 22.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны)

радости. Плакалъ, глядя на нихъ, эта семья, въ ту минуту не было и самъ старецъ Христофоръ. И на свѣтѣ никого. болѣе счастливыхъ людей, какъ Г.—ръ. (По «Чет.-Мин.»).

ГОЛОВОЛОМКИ.

Шуточные вопросы:

I.

Когда лошадь бываетъ хищнымъ звѣремъ?

(предложилъ К. Краузь).

II.

Почему въ послѣднее время въ Петроградѣ стали быстрѣе ѣздить извозчики?

III.

Какая рыба самая длинная?

IV.

Почему желѣзныя дороги проводятъ инженеры, а не трубочисты?

V.

У сорока мышей сколько ушей, ногъ и хвостовъ?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 20, помѣщенныхъ въ № 20 «Золотого Дѣтства».

Головоломки. I.) ...ру+банокъ (рубанокъ), ...пила, ...то+поръ (топоръ), ...мо+лотъ (молотъ). II. Ледъ. III. Я+мы (ямы). IV. Зима, рама, замазка, карнизъ. Фамилія писателя—Карамзинъ. V. Мокрый и красный.

Ребусъ № 20. На+стуга+еть+г+роза+ужь+е+п+ослы+шали+сь+уда+ры+г+ромъ+а= Наступаетъ гроза, уже слышались удары грома.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда.

3 р 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и БОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями. Распродано. Печатается вновь.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.